

I.

С Л О В О

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О ТОМЪ, ЧТО КТО САМЪ СЕБѢ НЕ ДѢЛАЕТЪ ОБИДЫ, ТОГО НИКТО ОБИДѢТЬ НЕ МОЖЕТЪ *).

Знаю, что для людей грубыхъ, къ насто-
ящему приспρασныхъ, къ землѣ прилѣпив-

*) О семь сочиненіи, коего одно заглавіе за-
ключаетъ въ себѣ сущность Христіанской
Философіи, упоминаетъ самъ Св. Злато-
устъ въ 4-мъ писмѣ своемъ къ Олимпіадѣ
такъ: „Посылаю къ тебѣ нѣчто, недавно
мною написанное, о томъ ш. е. что кто
самъ себѣ не дѣлаетъ обиды, того никто
обидѣть не можетъ. Вотъ содержаніе Сло-
ва, которое теперь посылаю къ тебѣ.
Со вниманіемъ прочитай его и даже, ес-
ли позволишь здоровье, повтори. А сего
лѣкарства, ес-ли угодно, довольно для

шихся и чувственнымъ удовольствіямъ порабощенныхъ, а къ умственнымъ не весьма расположенныхъ, настоящее слово покажется новымъ и спраннымъ. Они и смѣяшьясь будутъ довольно и ругать насъ, что мы въ самомъ началѣ предлагаемой рѣчи говоримъ нѣчто невѣроятное. Однакожъ мы не оставимъ своего намѣренія, но по тому самому съ большею ревностію поспашаемся доказать наше предложеніе. Ибо естли угодно шакowymъ людямъ не беспокоишья и не превозишья, но дождашья конца слова; то я швердо знаю, что они соглашьясь съ нами, и самихъ себя обвиняшья

„тебя. Естли же будешь упрямиться, не позабодишья сама о себѣ, и, не смотря на многія сдѣланныя тебѣ наставленія и увѣщанія, не удалишья скуки отъ духа швоего; то и я не буду уже поблажать тебѣ и не стану посылать къ тебѣ длинныхъ и частыхъ писемъ, естли ты не хочешь получашь отъ того никакого плода и пользы къ успокоенію духа.“

Изъ приписокъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ видно, что сочиненіе сіе писано изъ Кукусь, въ 406 году.

будушь за то, что такъ долго они обманывались. Они тогда другое будушь говоришь, станушь извиняшься и просишь прощенія въ томъ, что они имѣли несправедливое понятіе о вещахъ; и много будушь благодаришь насъ, такъ какъ больные выздоровѣвъ опъ болѣзней, мучившихъ шѣло ихъ, благодаряшь врачей. И по тому не произноси суда, какой теперь гошовъ у тебя, но подожди, чѣмъ кончися слово, и тогда можешь произнести вѣрный приговоръ, пошому что невѣдѣніе не будетъ тогда преляпсшвовать истинѣ сужденія. И въ свѣпскихъ дѣлахъ поставленные судьи, хощя видяшь, что первый орапоръ говоришь сильно и все, такъ сказашь, пошопляешь своимъ краснорѣчіемъ, но не опваживаюпся впрочемъ произнести приговора, не выслушавъ съ терпѣніемъ словъ и другаго, прошивника его: но хощя бы первый, по мнѣнію ихъ, говорилъ самую сущую правду, оставляюшь они безприспраспное вниманіе и для другаго. Въ томъ и состоишь достоинство судей, чтобы они со всею точностію узнали дѣло съ обѣихъ споронъ, и тогда уже дѣлали собственное заключеніе. Такъ и нынѣ, общій въ народѣ

предразсудокъ, продолженіемъ времени укоренившійся въ умахъ людей, какъ бы ораторъ какой, по всей вселенной выпійсывуешъ и говоришь: „Все превращено! Въ родѣ человѣческомъ всюду множество безпорядковъ, ежедневно шерпяшь обиды, угнѣпленія, припѣсненія, раззоренія слабые опъ сильныхъ, бѣдные опъ богатыхъ. И какъ не можно исчислишь волнь въ морѣ; шакъ нельзя исчислишь множества обижаемыхъ, угнѣпаемыхъ, спраждающихъ! Ни дѣйствіе законовъ, ни страхъ судовъ, ничто не оспанавливаешъ сей заразы и болѣзни, но со дня на день умножаешся зло, и повсюду спонъ, плачь, слезы обидимыхъ. Поспавленные для исправленія сего судьи сами производяшь волненіе и усиливають болѣзнь.“ По сему многіе изъ безсмысленныхъ и несчастныхъ, новымъ какимъ-шо обьяшъ будучи бѣшенствомъ, обвиняють промысль Божій, когда видяшь, что смиреннаго часпо волочають, шерзають, мучають; а человекъ дерзкій, наглый, подлый и подлаго произхожденія, живешъ богато, облеченъ власпію, для многихъ дѣлаешся спрашенъ, причиняешъ безчисленныя бѣдствія смиреннымъ,

и такія наглоспи происходятъ и въ городахъ и въ селахъ, и въ пущыняхъ, и на сушѣ и на морѣ! И такъ по необходимости надобно было выступить на поприще нашему слову, противоспастъ всему выше-сказанному и начать подвигъ, хотя новый и спранный, какъ и въ началѣ сказалъ я, но необходимый и должный, и для пѣхъ, которые хопятъ со вниманіемъ выслушать, полезный. Оно докажетъ (только не смущайшесь), что обижаемые не отъ другихъ терпятъ обиды, но сами отъ себя.

Дабы слово наше было яснѣе, изслѣдуемъ сперва, что есть обида и какого рода вещей она обыкновенно касается; потомъ, въ чемъ состоитъ совершенство человека, что вредитъ ему, и что вредитъ ему только по видимому, а въ самомъ дѣлѣ не вредитъ. На примѣръ (ибо изъ примѣровъ надлежитъ дополнять слово), каждая вещь отъ чего нибудь терпитъ вредъ, желѣзо отъ ржавчины, шерсть отъ моли, стадо овецъ отъ волковъ. Доброша вина теряетъ ся, когда оно перемѣняетъ вкусъ и окисаетъ;—меда, когда онъ лишается свойст-

венной себѣ сладости и перемѣняется въ горькую жидкость. Хлѣбу на полѣ вредитъ заспой воды и засуха, винограднымъ плодамъ, листьямъ и вѣшьямъ злое войско саранчи, другимъ деревьямъ червь, и плѣсамъ безсловесныхъ различныя болѣзни. Но дабы подробнымъ исчисленіемъ не разширить слова, скажемъ коротко, что и нашему плѣлу вредятъ лихорадки, расслабленія и множество другихъ болѣзней.

И такъ естли для каждой изъ сихъ вещей естъ нѣчто повреждающее ея доброту, то разсмотримъ, что вредно и для человѣческаго рода, и отъ чего повреждается совершенство человѣка? Люди въ семь случаевъ имѣють не одинаковыя мнѣнія. Ибо и погрѣшительныя мнѣнія намъ надобно выставить и опровергнуть оныя, и потомъ указать то, что въ самомъ дѣлѣ повреждаетъ доброту каждаго изъ насъ, и ясно доказать, что никто не обидѣлъ бы насъ и не повредилъ бы намъ, естли бы мы сами себя не выдавали. Многіе по своимъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ почитаютъ вреднымъ для себя совсѣмъ не то, одни бѣд-

ность, другіе болѣзни, иные потерю имѣнія, ябеду, смерть, и непрестанно о семъ сокрушаются и плачуть. Они жалѣя и оплакивая несчастія другихъ, съ изумленіемъ говорятъ другъ другу: какая бѣда случилась съ такимъ то! Онъ вдругъ лишился всего имѣнія. А иной говоритъ о другомъ: такой-то въ жестокой лежишь болѣзни, и посѣщавшіе его врачи опчаялись въ его жизни! Одинъ съшуешь и плачешь о заключенныхъ въ темницахъ, изгнанныхъ изъ опечесства и посланныхъ въ ссылку, другой о лишенныхъ свободы, о похищенныхъ врагами и взятыхъ въ плѣнъ; щощь о попонувшемъ или сгорѣвшемъ, другой о задавленномъ опъ обрушившагося зданія, а никто не плачешь о живущихъ худо; но, что всего хуже, часпо и счастливыми называютъ ихъ, что самое и естъ причиною всѣхъ золъ. И такъ (прощу не смущаться, какъ и съ начала просилъ я), покажемъ, что ничто вышесказанное не можетъ сдѣлать вреда человѣку внимательному къ себѣ, и ничто не можетъ лишить его совершенства.

Скажи мнѣ, подлинно, какой вредъ добро-

нѣ человека опѣ того, что онѣ лишился имѣнія и что у него опняли все или ябедники, или разбойники, или домашніе злодѣи? Впрочемъ опишемъ сперва лучше (еслии это такъ кажется), что такое есть доброта человека, дабы сдѣлать ее для многихъ вразумительнѣе и яснѣе.

Что называется хорошій конь? Тотъ ли, на копоромъ золошая узда и такая же подпруга, чехоль изъ шелковой шкани сдѣланный, ковры разноцвѣтные, шканные съ золошомъ, голова украшена драгоцѣнными камнями и грива перевила золошомъ; или тотъ, копорый скоръ на бѣгу, крѣпокъ ногами, выступаетъ спройно и такіа имѣетъ копыта, какимъ надобно быть у добраго коня, копорый довольно силенъ, чтобы пробѣгать большее разстояніе, что нужно бываетъ на войнѣ, дабы и въ спроу онѣ могъ выстоять долго и въ случаѣ побѣга спасти всадника? Не очевидно ли, что сіи послѣдніа качества составляютъ доброту коня, а не первыа? Что у ословъ и лошаковъ назвала бы ты доброшю ихъ? Не то ли, что они легко мо-

гупъ носипъ сяжести, удобно проходящъ
дороги и ноги имѣющъ швердыя, какъ камень?

Скажешь ли ты, что внѣшнее что нибудь,
на нихъ лежащее, увеличиваетъ собственную
ихъ доброту? Нѣтъ. Какой хвалимъ мы виног-
радъ, пощъ ли, на копоромъ много лиспьевъ и
вѣшвей, или пощъ, копорый обремененъ пло-
дами? Въ чемъ пославляемъ доброту маслины?
Въ пощъ ли, когда она большія имѣетъ вѣшви
и весьма много лиспьевъ, или въ пощъ, когда
она приноситъ богатые плоды и вся ими
усѣяна? Такимъ же образомъ поступимъ и
съ людьми. Опредѣлимъ совершенство чело-
вѣка, и то только будемъ почищать вредомъ,
что нарушаетъ оное.

Въ чемъ же состоить совершенство че-
ловѣка? Не въ деньгахъ, и пощому не бояся
нищеты; не въ здравіи тѣлесномъ, и пощому
не спрашисъ болѣзни; не въ сужденіи на-
родномъ, и пощому не смощри на худую мол-
ву; не въ пощъ, чтобы жить просто и безъ
печалей, и пощому не спрашна для себя
смерть; и не въ свободѣ, и пощому не бѣгай-
ощъ рабства: но въ вѣрномъ и правильномъ

образъ мыслей и въ доброй жизни. А сего и самъ діаволь опняшь не можетъ, есѣли имѣющій сіе сберегаетъ съ надлежащимъ раченіемъ. Знаетъ эшо и лукавѣйшій и люпѣйшій оный демонъ. Ибо онъ Іова лишаль имѣнія не для того, чѣобы сдѣлашь его бѣднымъ, но чѣобы вынудить изъ него богохульное какое нибудь слово. И шѣло его поразилъ не для того, чѣобы сдѣлашь его немощнымъ, но чѣобы поколебашъ твердоспѣ души. Однакожъ употребивъ всѣ свои хитроспи и изъ богатаго сдѣлавъ бѣднымъ, (чѣто для насъ кажется всего ужаснѣе) изъ многочаднаго бездѣшнымъ, и разперзавъ все его шѣло гораздо хуже, нежели палачи въ судилищахъ (ибо когши ихъ не шакъ шерзають ребра попавшихся къ нимъ въ руки, какъ черви грызли плоть его), произведши худое о немъ мнѣніе (ибо друзья въ глаза ему говорили, чѣто не довольно шы наказанъ за свои грѣхи, и много насказали въ укоризну его), и не только выгнавъ его изъ города или изъ дома и въ другой переселивъ городъ, но помешъ сдѣлавъ для него и домомъ и городомъ, не только ни мало не повредилъ ему; но злымъ умысломъ своимъ еще выспа-

вилъ его достоинство. И опнявъ у него сполько, не полько не опнялъ у него ничего, но и доставилъ ему большее богатство добродѣтели. Іовъ большую послѣ того получилъ смѣлость, такъ какъ труднѣйшимъ подвизавшійся подвигомъ. Естли же пошъ, кто сполько поперпѣлъ, и припомъ шерпѣлъ не опъ человека, но опъ злѣйшаго всѣхъ человекѡвъ духа, ни мало не сдѣлался несчастнымъ; то кшо послѣ сего можешь имѣшь извиненіе, когда говоришь, что такой-то сдѣлалъ меня несчастнымъ и нанесъ мнѣ вредъ? Ибо естли діаволь, въ кошоромъ споль много злобы, упошребивъ всѣ свои орудія и пуспивъ всѣ спрѣлы, и всѣ, какія естъ у людей бѣдствія съ преизбыткомъ обрашивъ и на домъ праведника и на шѣло его, ни мало не сдѣлалъ несчастнымъ сего мужа; но еще, какъ сказалъ я, болѣе пользы принесъ ему: то какъ могутъ нѣкоторые винить того и того, яко бы они опъ нихъ, а не сами опъ себя шерпяшь обиды?

Какъ же, скажутъ, не сдѣлалъ ли онъ вреда Адаму? не довелъ ли его до паденія и не изгналъ ли изъ рая? Нѣтъ, эшо не онъ,

но небреженіе падшаго, невниманіе къ себѣ и небодрствованіе. Ибо шопъ, копорый споль шяжкія и споль многія упопробивъ козни, не могъ и Іова побѣдипъ, могъ ли бы при меньшихъ усиліяхъ преодолѣть Адама, еспьли бы сей по своему небреженію самъ себѣ не измѣнилъ?—Какъ? ужели шопъ, у ко-го по доносу ябедниковъ имѣніе взяпо въ казну, не обиженъ, когда онъ лишился всего имущества, поперялъ опеческое наслѣдство и борелся съ крайнею бѣдноспію? Конечно не обиженъ, но еще и пользу получилъ онъ, еспьли онъ внимашелень къ себѣ. Ибо скажи мнѣ, какой вредъ нанесло сіе Апостоламъ? Не съ голодомъ ли и жаждою и нагошою безпрерывно боролись они? Но по шому самому шѣмъ болѣе и были славны и знамениты, и великую опъ Бога получали себѣ помощь. Какой вредъ Лазарю причинила болѣзнь, и раны и нищепя, и безпомощное соспояніе? Не изъ сего ли наипаче сплешены ему вѣнцы? Какой вредъ для Іосифа шо, что онъ въ худомъ былъ мнѣніи въ собспвенной землѣ и въ чужой? Ибо его звали и прелубодѣемъ и блудникомъ. Повредило ли ему рабство, и удаленіе изъ опечесства?

Не пошому ли наиболѣе хвалимъ его и удивляемся? Но что я говорю о удаленіи изъ опечеснѣва, и о бѣдности, и о худомъ мнѣніи, и о рабствѣ? Самая смерть какой причинила вредъ Авелю, смерть и насильственная, и безвременная, и такая, которую дерзнула нанести рука братняя? Не пошому ли вездѣ во вселенной прославляется онъ? Видишь, какъ слово мое доказало болѣе, нежели сколько обѣщано? Ибо оно показало, что не только никто не терпитъ вреда отъ другихъ, но еще получаютъ болѣе выгоды шѣ, которые сами къ себѣ внимательны.

Для чегожъ, скажутъ, казни и мученія? Для чего геенна? Для чего столько угрозъ, еслии никто не терпитъ вреда и никто не дѣлаетъ вреда?—Что ты говоришь? Для чего смѣшиваешь понятія? Я не сказалъ, что никто не дѣлаетъ вреда, но что никто не терпитъ вреда. А какъ это быть можетъ, скажешь кто нибудь, чтобы, тогда какъ многіе дѣлаютъ вредъ, никто не потерпѣлъ вреда? Такъ, какъ я теперь сказалъ. Иосифу сдѣлали вредъ братья, но онъ не потерпѣлъ вреда. И на Авеля злоумышлялъ Каинъ, но

онъ не подпаль злоумышленію. Для сего казни и мученія. Ибо Богъ не уничтожаетъ наказаній за то, что спраждающіе добры, но опредѣляетъ мученія за злобу дѣлающихъ зло. Ибо хотя много спраждающіе отъ злоумышленниковъ и дѣлаются славнѣе; но сіе зависить не отъ намѣренія злоумышляющихъ, а отъ мужества тѣхъ, на кого злоумышляютъ. Почему симъ послѣднимъ опредѣляются и гошовавшая награды за здравомысліе, а тѣмъ наказаніе за зло. Лишень ли ты денегъ?—говори: *нагѣ изыдохѣ изъ тѣрза матери моея, нагѣ и возвращуся*; Іов. 1, 21. присоветуй и Апостольское слово: *мы ничего не принесли въ міръ сей; конечно ничего не можемъ и вынести изъ него*. 1 Тим. 6, 7. Идешь о тебѣ худая молва и безчисленными ругательствами осыпають тебя? вспомни оное изреченіе: *горе вамъ, когда всѣ люди будутъ говорить доброе о васъ*, Лук. 6, 26. и, *радуйтесь и веселитесь, когда пронесутъ о васъ худое имя*. Изгнанъ ты изъ отечества? представь себѣ, что ты не имѣешь здѣсь отечества, но еслили хочешь любоваться, то и всю землю повелѣно тебѣ считатьъ чуждою. Жестокой болѣзни

подвергся пы? скажи оное Апостольское слово: *естьли внѣшній нашъ теловѣкъ и тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется.* 2 Кор. 4, 16. Насильственную понесъ кшо смерть? представъ себѣ Іоанна, кошорому опсѣкли въ темницѣ голову, принесли ее на блюѣ и опѣдали за блудническое плясаніе. Предспавъ себѣ награды за сіе. Ибо всѣ сіи спраданія, когда несправедливо кому причиняюшся, и грѣхи очищаюшъ и доставляюшъ праведность. Вопъ какая великая опъ нихъ польза для переносящихъ оныя мужеспвенно!

И такъ когда ни лишеніе денегъ, ни ябеды, ни ругательства, ни изгнанія, ни смерть, кошорая спрашнѣе всего кажешся, не причиняешъ вреда шерпящимъ, но еще и пользу приносишъ; шо чѣмъ пы миѣ докажешъ, что кому нибудъ дѣлаюшъ вредъ, когда онъ опъ того ни мало не шерпишъ вреда? А я напрошивъ доказашъ посспараюсь, что шѣ-шо наипаче шерпяшъ вредъ, обиды и несносно спраждушъ, кошорые дѣлаюшъ сіе для другихъ. Ибо кшо могъ бытъ несчастнѣе Каина, кошорый такъ поступилъ съ брашомъ? Кшо

шакъ жалокъ, какъ Филиппова жена, копорая опсѣкла у Іоанна голову? Кпо зло-счастнѣе братьевъ Іосифа, копорые предали его и удалили опъ опечества? Чпо зло-счастнѣе діавола, копорый подвергъ Іова споль многимъ бѣдсвіямъ? ибо не полько за прочее, но и за сіе злоумышленіе особенную понесешъ онъ казнь. Видишь ли, какъ и здѣсь слово наше сказало болѣе, нежели обѣщано: чпо угнешаемые не полько никакого вреда не терпятъ опъ злоумышленниковъ, но даже все обращается на голову злоумышляющихъ. Ибо еспли ни богатство, ни свобода, ни жизнь въ опечесствѣ, ни другое подобное, о чемъ говорилъ я, не соспавляетъ совершенства человѣческаго, но добродѣтели души; по очевидно, чпо, при пошерѣ оныхъ, человѣческое совершенство ни мало не повреждаешся. А чпо, еспли бы у кого повредилось здравомысліе души? И здѣсь, когда человѣкъ шерпилъ вредъ, по шерпилъ не опъ другаго, а собственнo самъ опъ себя. Какъ собственнo самъ опъ себя, скажетъ кпо нибудь? Когда онъ будучи кѣмъ нибудь бипъ, или лишенъ имѣнія, или другое какое нибудь

жестокое попертѣвъ припѣсненіе, произнесеть какое нибудь Богохульное слово: тогда онъ терпѣть вредъ и весьма великій, но не отъ припѣснителя, а отъ собственнаго малодушія. Ибо я сказалъ прежде, и нынѣ говорю, что никакой человѣкъ, хотя бы онъ тысящекратно былъ злой, не можетъ ни на кого напасть злѣе и съ большею яростію, нежели злый оный демонъ и непримиримый врагъ нашъ діаволь. Но однако лютый сей демонъ человѣка жившаго прежде закона, прежде благодаши, не могъ одолѣть и побѣдить, хотя и со всѣхъ сторонъ пустилъ на него сполько ядовитыхъ спрѣлъ. Таково благородство души! А. Павелъ сполько поперпѣлъ бѣдъ, что и исчислить трудно. Онъ былъ въ темницѣ, былъ скованъ цѣпями, водимъ съ мѣста на мѣсто, перпѣлъ побои отъ Іудеевъ, каменьями былъ побиваемъ, не ремнями только, но и жезлами терзали спину его, онъ понуль на морѣ, часто попадалъ въ руки разбойниковъ, перпѣлъ нападеніе отъ единоземцевъ, отъ враговъ, непрестанно былъ поражаемъ отъ знакомыхъ, безчисленнымъ подвергался злоумышленіямъ, боролся съ голодомъ и на-

гопою, и другія многія переносилъ горести и бѣдствія. И что говоришь много? Онъ каждодневно умиралъ. — Однакожь шерпя сполько и споль великія бѣдствія, не сполько не произнесъ Богохульнаго слова, но радовался и хвалился шѣмъ. Въ одномъ мѣстѣ говоришь онъ: *радуюсь во страданіяхъ моихъ*, Кол. 1, 24. въ другомъ: *и не довольно сего, но хвалился въ скорбяхъ*. Рим. 5, 3. И шакъ, еспьли онъ при споль многихъ спраданіяхъ радовался и хвалился, то какое извиненіе, какое оправданіе будешь имѣшь ты, когда не несешь и малѣйшей часпи оныхъ, а ропщешь?

Но, скажешь, различнымъ образомъ обижаяють меня, и еспьли я не вопрошивлюсь, то лишившись сокровищъ не въ состояніи буду подавать милоспыню. Эшо сполько предлогъ и опговорка! Ибо еспьли ты по сей сполько причинъ огорчаешься, то вѣрно знай, что нищета не бываетъ препяпспвіемъ милоспынѣ! Ибо хошя бы ты чрезвычайно былъ бѣденъ, но не бѣднѣе той, которая имѣла сполько горспѣ муки, 3 Цар. 17, 12. и шой, у которой было двѣ споль-

ко полушки,—изъ коихъ и та и другая, испощивъ все свое имѣніе на бѣдныхъ, отличное заслужили удивленіе. И столь великая бѣдность не была препяшпствіемъ полному челоуѣколюбію, но милоспынѣ изъ двухъ лепшъ состоявшая была шакъ богаша и значительна, что она зашъмила собою всѣхъ богачей, и богатспвомъ расположепія и избыткомъ усердія превзошла шѣхъ, копорые клали много спашировъ. Слѣдовательно и здѣсь ты не шерпишь вреда, но напрошивъ того получаешь прибыль, пошому что чрезъ малое приношеніе пріобрѣшаешь блиспашельнѣйшіе вѣнцы, лучшіе предъ шѣми, копорые много положили.

Но хотя бы тысячу разъ говорили мы сіе; однако плошолобивыя души, любящія занимашься міромъ, и пріспраспившіяся къ насшоящей жизни, не легко согласяпся оставишь увядающіе цвѣты (ибо шакъ можно назвашъ пріятности сей жизни), онѣ не согласяпся оставишь и шѣни. Лучшіе изъ людей принимающъ шо и другое, а жалкіе и несчастпнѣйшіе изъ нихъ большею частію гоняющъся за благами здѣшней жизни, а о

благахъ высшихъ думаютъ весьма мало. И такъ сорвемъ свѣплую и благовидную личину съ гнуснаго и безобразнаго лица вещей сихъ, и покажемъ мерзость любодѣйцы, какова есть жизнь, провождаемая въ сластолюбіи, сребролюбіи и честлюбіи, жизнь гнусная, безобразная, исполненная мерзостей, скучная, тягоспная и исполненная горестей. Для плѣнившихся ею вовсе не извинительно сіе по тому, что жизнь сія исполнена непріятностей и многихъ огорченій, а они при всемъ томъ ее спрасно любятъ и крѣпко привязаны къ ней, когда вся состоитъ изъ безчисленныхъ бѣдствій, опасностей, кровопролитій, крушинъ, подводныхъ камней, убійствъ, спраховъ, ужасовъ, зависти, злобы, коварства, безпреспаннаго безпокойства и заботы, не имѣя никакой выгоды и никакого не принося плода за толикія бѣдствія, кромѣ мученія и наказанія и непреспаннаго шерзанія. Не смотря на то, что она такова, многіе съ ревностію помогаютъ ей, что впрочемъ есть знакъ безумія плѣняющихся, а не знакъ достоинства вещи. Такъ и малыя дѣти заглядываются на игрушки и удивляются имъ,

а о вещахъ свойственныхъ совершеннолѣтнимъ и понятія имѣть не могутъ. Впрочемъ извиненіемъ для шѣхъ служишь несовершенный возрастъ, а сіи не имѣютъ никакого оправданія: ибо они имѣютъ дѣтскій умъ въ совершенномъ возрастѣ, и поспу-паютъ даже безсмысленнѣе дѣтей.

Скажи мнѣ, почему богатство драгоценно? Съ него надобно мнѣ начать, ибо оно для многихъ зараженныхъ сею жестокою болѣзнію кажется драгоценнѣе здравія и жизни, и народной похвалы, и добраго мнѣнія, и опечесства, и домашнихъ, и друзей, и сродниковъ, и всего прочаго. До самыхъ даже облаковъ досягаетъ косперь сей, и сушу и море заняла горящая печь сія! Никто не попускаетъ сего пламени, а раздуваютъ всѣ, и шѣ, копорые уже плѣнены, и шѣ, копорые еще не плѣнены, дабы бытъ плѣненными. Чпобы пипать сей пламень, и мужчина и женщина, и рабъ и свободный, и богатый и бѣдный, каждый по своей силѣ, и день и ночьносятъ бремена, бремена не дровъ и хвороспу (поелику эпошь пламень не шакого рода); но бремена душъ и шѣлъ,

неправды и беззаконія. Ибо симъ обыкновенно разжигается пламень сего рода. Какъ богатые ни на чемъ не оспанавливаюшъ глупаго сего желанія, хощя бы забрашъ всю вселенную; шакъ и бѣдные наперерывъ предупреждаюшъ ихъ, и какое-то неисцѣлимое бѣшенство, необузданное сумасшествіе и неизлѣчимая болѣзнь объемлетъ души у всѣхъ. Всякую любовь преодолѣла сія любовь и изгнала вонъ изъ души. Не смопряшъ ни на дружество, ни на родство. И что я говорю о дружествѣ и родствѣ? Не смопряшъ на женъ и дѣтей, что для мужей должно бытъ любезнѣе. Но все брошено и попрано тогда, какъ жестокая и безчеловѣчная владычица сія овладѣла душами всѣхъ плѣненныхъ ею. Спроси сія, какъ люпый ширанъ, какъ жестокой варваръ, какъ безчеловѣчный власпелинъ и какъ всенародная и величаяя блудница срамишъ, шерзаетъ и безчисленнымъ подвергаетъ опасностямъ и мученіямъ шѣхъ, кошорые опдались ей въ рабство. И сколь она ни спрашна и ни утрюма, сколь ни дика и свирѣпа, и хощя имѣетъ лице варварское или лучше звѣробразное, и люшѣе волчьяго и львинаго; но

для плѣнниковъ своихъ кажешся ласковою, любезною и сладчайшею меда. И тогда, какъ она ежедневно куешь на нихъ мечи и оружія, и роешь пропасши, и ведешь къ спремнинамъ, или на подводные камни и бесчисленные плещешь для нихъ сѣши мученія, плѣнники ея, и желающіе плѣна думаютъ, будто она дѣлаешь ихъ счастливыми. Какъ свинья валяясь въ нечистотѣ и грязи, любитъ шѣмъ и услаждается, и какъ жуки непрестанно бродятъ въ навозѣ, такъ и преданные сребролюбію хуже еще сихъ животныхъ. Ибо и мерзость здѣсь больше и грязь вонючѣе. Находясь въ спраспи они думаютъ найши въ помѣ великое удовольствіе; что впрочемъ зависить не отъ существа вещи, но отъ разсудка, который спраждаетъ шакowymъ безуміемъ. А это хуже скопскаго онаго безумія. Что животные оныя любятъ жить въ грязи и навозѣ, вина тому не грязь и навозъ, а безмысліе ихъ: также суди и о людяхъ.

Но какъ уврачевашъ намъ шакихъ людей? Для сего надобно, чѣмъ они захопѣли открышь слухъ свой для насъ, и располо-

жили умъ свой къ принятію словъ нашихъ. Безсловесныхъ не лѣзя опклонишь и опвѣсти опъ нечистой ихъ жизни; пошому чшо они безъ разума; но чшо касается до сего крошчайшаго рода сущесствъ, и разумомъ и словомъ одаренныхъ, чшо, говорю, касается до природы человѣческой, шо для ней удобно и даже весьма легко, еспли захочешъ,—вышши изъ вонючей оной грязи.

По какой причинѣ, человѣкъ, драгоценнымъ кажешся тебѣ богатство? Конечно по причинѣ удовольствія, которое получаешъ опъ стола? По причинѣ чеспи и множества слугъ, кошорые окружающъ тебѣ? По шой причинѣ, чшо можешъ опмщати врагамъ швоимъ и быть для всѣхъ спрашнымъ? Другихъ причинъ представишь шы не можешъ, кромѣ удовольствія, ласкашельства, спраха и мщенія. Ибо богатство не дѣлаешъ никого ни разумнѣе, ни цѣломудреннѣе, ни добрѣе, ни оспорожнѣе, не дѣлаешъ оно ни крошкимъ, ни человѣколюбивымъ, ни побѣдителемъ гнѣва, не даешъ власпи надъ чревомъ, и не спавишь выше удовольствій, не учишь умѣренности, не ведешъ къ сми-

ренію и никакой другой добродѣтели не насаждаетъ въ душѣ. Ты не можешь сказать, чѣмъ ты искалъ и желалъ его по какойнибудь изъ сихъ причинъ. Ибо оно не только не умѣетъ насаждать или возвращать что либо доброе, но, даже если и найдешь что либо такое лежащее внутри чело-вѣка, повреждаетъ, останавливаетъ, и засушаетъ; а иное и совсѣмъ вырываетъ, и вноситъ прошивное шому, безмѣрную роскошь, неумѣстную ярость, безразсудный гнѣвъ, напыщеніе, гордость, безуміе. Но не буду я говорить о семъ. Ибо спражающіе сею болѣзнію, будучи всѣ преданы сластолюбію, и потому сдѣлавшись рабами онаго, не могутъ съ пріятностію слушать о добродѣтели и порокахъ и видѣть себя вмѣстѣ осуждаемыми и обличаемыми.

И такъ оставивъ слово о нихъ, выскажемъ оспальное и посмотримъ, имѣешь ли богатство какоенибудь удовольствіе или какую честь? Я съ своей стороны вижу все прошивное. И, если угодно, сперва посмотримъ на шолы богатыхъ и бѣдныхъ, и спросимъ, кто изъ нихъ чистымъ и истин-

нымъ наслаждается удовольствіемъ? Тѣ ли, копорые цѣлой день возлежащъ на коврахъ, ужинъ соединяющъ съ обѣдомъ, распоргающъ чрево, прищупляющъ чувства, чрезмѣрнымъ грузомъ снѣдей зашопляющъ лодку, шакъ заливають корабль, что оплишь воды не возможно, и какъ при кораблекрушеніи пошопляющъ оный, кладущъ оковы на ноги, и на руки и на языкъ, и все шѣло свое связывающъ цѣпами пьянства и пресыщенія, копорыя шяжелѣе желѣзныхъ цѣпей, ни сна не имѣющъ надлежащаго и чистаго, не свободны опъ спрашныхъ сновидѣній, хуже бѣшеныхъ, произвольно какого-то злаго демона вводящъ въ душу и дѣлающъ себя пошмѣшищемъ для рабовъ, или лучше предметомъ сожалѣнія и слезъ для добрѣйшихъ изъ нихъ, не узнающъ никого изъ находящихся при нихъ, не могутъ ни сказать чего нибудь, ни выслушашъ, но на рукахъ съ ковровъ переносятъ ихъ на постелю? Или шѣ, копорыя шрезвы и бодры, и шцолько ѣдящъ, сколько нужно, и плывущъ по вѣпру и величайшее услажденіе пищи и пипія находящъ въ голодѣ и жаждѣ? Ибо ничто шцолько не способствуешь къ удовольствію

и здравію, какъ то, чѣобы принимашься за пищу или пишіе тогда, когда чувствуешь голодь и жажду, и то, чѣобъ сытоспъ измѣряшъ нуждою, а не преспуашъ границъ оныя и не налагашъ на шѣло бремени сверхъ его силы?

Еспѣли же ты не вѣришь слову моему, то посмотри на шѣло шѣхъ и другихъ и на душу ихъ. Не у шѣхъ ли, копорые такимъ образомъ въ спрогой живутъ умѣренности, (не говори мнѣ чего нибудь изрѣдка случающагося, еспѣли нѣкопорые и слабы здоровьемъ по другому какому нибудь обстоятельству; но суди пошому, чѣо всегда и безпрестанно случается) не у шѣхъ ли, копорые умѣренно вкушаютъ пищу, шѣло здорово, чувства свѣплы и съ великою легкостію исполняются свое дѣло; а у оныхъ влажно, всякаго воска слабѣе и подвержено шмѣ болѣзней? Ибо и подагра шопчасъ прилешаетъ къ нимъ, и непрестанное прясеііе шѣла, и спароспъ безвременная, и головныя боли, и судороги, и разспройство желудка, и потеря аппетита. Они безпрестанно имѣюшъ нужду въ лѣкаряхъ, въ без-

прерывныхъ лѣкарствахъ и въ каждодневномъ лѣченіи. Эпо ли удовольствіе, скажи мнѣ? Кпо такъ назовешъ сіе, кпо знаетъ что есть удовольствіе? Ибо удовольствіе бываетъ тогда, когда за чувствованіемъ желанія слѣдуешь наслажденіе; но еспыли и еспы наслажденіе, а желаніе еще ни мало не является; шо все удовольствіе теряется и исчезаетъ. Посему-шо и больные, хопя бы самая пріятнѣйшая лежала предъ ними пища, не иначе, какъ съ отвращеніемъ и съ непріятностію вкушаютъ оную; пошому что нѣтъ хопѣнія, копорымъ услаждается наслажденіе. Ибо не свойство яспвъ и пиптя, но аппетитъ вкушающихъ обыкновенно раждаетъ хопѣніе и производить удовольствіе. Посему и одинъ мудрый мужъ, шочно знавшій сущность удовольствія и умѣвшій судить о семъ говорилъ: *душа, въ ситости сущи, сотамъ ругается*. Прип. 27, 7. Онъ показываесть симъ, что не въ качествѣ спола, но въ разположеніи вкушающихъ состоить все удовольствіе. Посему и Пророкъ, исчисляя чудеса Божіи въ Египтѣ и въ пущынѣ, между прочимъ сказалъ и шо, что *Богъ изъ камня медомъ насыщалъ ихъ,*

Пс. 80, 17. хоця впрочемъ нигдѣ не видно, чшобы какой камень испочилъ для нихъ медь. Чшо же значить сказанное? То, чшо Израильшяне ушомившись опъ долгаго пруда и пушешеспвія, и сильною мучась жаждою, приступили къ холоднымъ ручьямъ, и жажда была для нихъ вмѣсто всякаго услажденія. Посему онъ, желая представить пріятность тѣхъ ручьевъ, назвалъ воду медомъ не пошому, чшо свойство ея перемѣнилось въ медъ, но пошому, чшо пріятность воды равнялась сладости его, пакъ какъ вкушавшіе воду съ жаждою тогда приступили къ ней. Еспьли пакъ, и еспьли никшо не можеть пропшворѣчить сему, хошябъ и весьма былъ глупъ: шо не очевидно ли, чшо на сполахъ у бѣдныхъ чшстое, испшнное и величайшее удовольствіе; а у богатыхъ непріятность, опвращеніе и омерзеніе, или, какъ сказалъ мудрый оный мужъ: *и сладкое кажется отвратительнымъ*? Прип. 27, 7.

Но богашство, скажущъ, доспавляеть уваженіе имѣющимъ его, и удобство мспшшь врагамъ. И пакъ скажи мнѣ, богашства вы хошшше искашь и домогашься, пошому чшо

оно ужаснѣйшія пишаешь въ насъ спра-
спи, гнѣвъ приводишь въ дѣйство, разду-
ваешь бѣшеное славолубіе, побуждаешь и
приводишь въ безуміе? По сему напрошивъ
не оглядываясь надобно бѣжать ошъ него,
ибо оно вселяешь въ умъ нашъ какихъ-то
дикихъ и люпыхъ звѣрей; оно лишаетъ ис-
стиннаго уваженія у всѣхъ, но и доспавляетъ
обманушымъ уваженіе прошивное шому, под-
крашенное шолько его красками, и заспав-
ляетъ считашъ истиннымъ шакое уваже-
ніе, кошорое не по свойству своему шакое,
но по виду шолько шакowymъ кажется, ибо
какъ накладная ошъ припираній и подмалев-
ки красоша непошребныхъ женщинъ, хопя
красы не имѣешь, однако гнусное и безобраз-
ное лице предспавляетъ для оболъченныхъ
ею благообразнымъ, и даже прекраснымъ
шогда какъ оно не вовсе хорошо. Такимъ
образомъ и богапство наше, вынуждая ла-
скашельство, предспавляетъ оное уваже-
ніемъ. Не смотри на похвалы въ глаза, ошъ
спраха и ласкашельства происходящія; эшо
краски и подмалевка; но разкрой совѣсть каж-
даго, кшо шакимъ образомъ льспишь тебѣ, и
шты увидишь шысячи обвинишелей, кои внуш-

ренно вопіють на тебя, опшвращаются тебя и ненавидящъ болѣе, нежели совершенные враги и непріятели. Есшлы бы когда случилась перемѣна обшпоятельствъ и сняла или опшкрыла шу изъ спрахса сосшавленную маску, шакъ какъ иногда солнце жаромъ своимъ обнаруживаешъ оныя лица; шогда шы ясно увидѣлъ бы чшо шы, во все прежнее время, былъ въ крайнемъ неуваженіи у своихъ угодниковъ, и шобѣ предшавлялось, чшо шы пользовался уваженіемъ опъ шѣхъ, кошы которые совершенно ненавидящъ тебя, безчисленными осыпають тебя въ мысляхъ своихъ ругашельспвами, и желають видѣть тебя въ крайнихъ злосшюченіяхъ. Ибо ничшо не досшавляешъ шаского уваженія, какое добродѣшель; уваженіе сіе ешть не вынужденное, уваженіе не пришворное и не прикрышое какою либо маскою обмана; но истинное и искреннее, и никакими шрудными обшпоятельствами не нарушаемое.

Ты хочешъ опшмшпшть шѣмъ, кошы которые оскорбили тебя! Но по сему-шо самому наипаче, какъ прежде сказаъ я, и надобно убѣгащъ богатштва. Ибо оно на тебя самага

поднимаешь мечъ, стяжайшія спроишь тебѣ испязанія въ будущемъ вѣкѣ и несносныя готовишь казни. Поелику мщеніе есть столь великое зло, что и Божіе человеколюбіе чрезъ него прекратилось, и данное уже прощеніе въ безчисленныхъ грѣхахъ чрезъ него сдѣлалось недѣйствительнымъ. Тотъ, которому прощено десять тысячъ талантовъ и который при легкой просьбѣ столь великую получилъ милость, какъ скоро спалъ требовать опъ товарища своего сто денаріевъ, какъ скоро началъ требовать наказанія за пропуски предъ нимъ; то сею жестокостію къ товарищу своему навлекъ на себя осужденіе. И не за другое что нибудь, но за сіе только и испязашелямъ отданъ, и мученъ, и десять тысячъ талантовъ испребовать съ него велѣно. Никакого извиненія и оправданія не нашелъ онъ; но несносно спрадалъ, попому что приказано было взыскать съ него весь долгъ, который прежде того Божіе человеколюбіе уже простило. И такъ скажи пожалуй, по сему ли домогаешься ты богатства, что оно такъ легко ведешь тебя къ такому грѣху? Напротивъ по сему самому надобно отвра-

щаться опъ него, какъ опъ врага или непріятеля, и какъ опъ страшнаго убійцы.

Но бѣдность, скажешь, дѣлаетъ непріятности, часто заставляетъ роптать на промыслъ и невольно рѣшаться на нѣкоторыя дѣла. Нѣтъ, не бѣдность, а малодушіе. Поелику и Лазарь былъ бѣденъ и весьма бѣденъ, и еще къ бѣдности присоединялась болѣзнь, копорая мучительнѣе всякой бѣдности, и самую бѣдность дѣлаетъ несною, а къ болѣзни безпомощное состояніе, недоспашокъ прислужниковъ, что умножало и бѣдность и болѣзнь. Ибо хотя то и другое само по себѣ тяжко, но когда нѣтъ и прислуги, тогда бѣдствіе становится больше, пламень сильнѣе, мученіе гореснѣе, буря свирѣпѣе, волненіе сильнѣе, печь жарче. Еслили же внимательнѣе вникнуть; то и четвертое къ тому присоединялось бѣдствіе, необузданная роскошь богача, живущаго въ сосѣдствѣ. Еслили угодно тебѣ и пятое что нибудь найди къ усиленію пламени, то увидишь, что и это найдется у него: ибо богачъ оный не только роскошествовалъ, но и видѣлъ его дважды, трижды, или

лучше многократно въ день; (ибо бѣдный лежалъ передъ дверью и представлялъ изъ себя жалкое зрѣлище, такъ что при одномъ воззрѣніи могъ и каменную размягчить душу) однако и сіе не могло склонить сего безчеловѣчнаго, чѣмъ онъ подалъ помощь бѣдному, но онъ Сибаритскій имѣлъ споль, и чаши полныя, и сладкое вино щедро разливалось рукою, и нарядной при немъ былъ спрой поваровъ, и нахлѣбниковъ, и льсפעцовъ съ самаго ушра и толпа поющихъ, разливающихъ вина, шуповъ; вымышлялъ онъ всякаго рода моповспво, и пьянспвовалъ и пресыщался, и непрерывно роскошеспвовалъ въ одеждѣ, и сполѣ, и въ другихъ многихъ вещахъ: а о семъ бѣдномъ и не думалъ, не смолря на то, что видѣлъ, какъ онъ каждой день мучился отъ ужаснаго голода, отъ сильной болѣзни, отъ множества ранъ, отъ безпомощнаго состоянія и отъ другихъ происходящихъ отъ шого горестей. Тунеядцы и льсפעцы, и сверхъ требованія едва не разрывались отъ пресыщенія; а бѣдный, такъ бѣдный и споль много спрадавшій, не пользовался и крохами со спола, при всемъ своемъ желаніи насытитъ.

ся. Однако же сіе не принесло ему вреда; онъ не оказалъ негодованія и не произнесъ Богохуленія, но какъ золопо въ сильнѣйшемъ огнѣ больше очищается и свѣплѣеть, такъ и онъ, будучи спѣсенъ сими спраданіями, стоялъ выше бѣдствій и выше огорченій, кои для многихъ опсюда раждаются. Естли прости только, смотря на богатыхъ, бѣдные испаеваютъ опъ зависти, рвущія съ досады и свою жизнь считающъ не жизнію, и припомъ тогда, какъ есть у нихъ доспапочная пища и имѣютъ прислужниковъ: то сей бѣдный, будучи бѣденъ, какъ никто болѣе, и не бѣденъ только, но и боленъ, не имѣя никого, кто бы поспался о немъ и ушѣшилъ его, но среди города, какъ бы въ опдаленнѣйшей лежа пущынѣ, испаеая опъ несноснаго голода, и видя, что на того все какъ изъ испочниковъ льется, и не только никакимъ чловѣческимъ не пользуясь ушѣшеніемъ, но и непрерывнымъ служа споломъ для собакъ, (ибо сполько разспроено и разслабленно было шѣло его, что и ихъ не могъ онъ опогнашь) сколько бы долженъ былъ досадовать, естли бы не былъ онъ весьма му-

жестивень и мудръ? Видишь ли ты, что пошъ, кто самъ себѣ не дѣлаешь вреда, никакой бѣды не терпишь, хотя бы всѣ дѣлали ему обиду? Я опять повпоряю тоже.

И подлинно какой вредъ сему разборцу причинила болѣзнь, неимѣніе прислуги, паденіе псовъ, худое сосѣдство съ богачемъ, великая роскошь его и надменность и презрѣніе? Сдѣлался ли онъ отъ того слабѣе въ подвигахъ добродѣтели? Что поколебало постоянство его? Ничто, но сіе множество горестей и сія жестокость богача еще болѣе укрѣпили его и сдѣлались случаемъ къ безчисленнымъ для него вѣнцамъ, умножили награды, усугубили воздаяніе, и были поводомъ къ большому возмездію. Ибо не за бѣдность только увѣнчанъ онъ, и не за голодъ, и не за раны, и не за лизаніе псовъ; но за то, что имѣя такого сосѣда и будучи каждодневно въ глазахъ его, непреспанно будучи пренебрегаемъ имъ, сіе искушеніе перенесъ мужественно и съ великимъ терпѣніемъ, каковое искушеніе не мало, но весьма много придавало пляжести и бѣдно-

сти, и болѣзни, и безпомощному его со-
стоянію.

А что сказать намъ о блаженномъ Пав-
лѣ? Ибо ничто не препятствуетъ опять
упомянуть о семъ мужѣ. Не тысячи ли
перенесъ онъ искушеній? Какой же онъ опъ
сего потерпѣлъ вредъ? Не по сему ли онъ
наипаче и увѣнчанъ, что терпѣлъ голодъ,
что опъ спужи и нагопы исплаевалъ, что
многократно бичами былъ шерзаемъ, что
камнями забросанъ былъ, что понуль? Но
скажущъ, Павелъ былъ призванный Хрис-
помъ. Такъ! и Іуда былъ изъ числа двенад-
цапи учениковъ, былъ шакже и онъ при-
званъ Хриспомъ; но ни то, что онъ былъ
изъ двенадцапи учениковъ, ни самое призы-
ваніе не принесло ему пользы, когда не
имѣлъ онъ сердца расположеннаго къ добро-
дѣтели. Напрошивъ Павелъ, и съ голодомъ
борясь, и нужной не имѣя пищи, и споль
много каждодневно шерпя бѣдъ, съ великою
скоростию пробѣжалъ пушъ, ведущій на не-
бо. А Іуда, копорый и прежде его призванъ
и пользовался шѣмъ же, чѣмъ и сей, и до-
пущень былъ къ шайнствамъ верховной

премудрости, и приобщался священной трапезы и спрашной оной вечери, и споль великую получилъ благодать, что воскрешалъ мершвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, и изгонялъ духовъ, хопя многократно слышалъ бесѣды о нищестѣ, долго находился съ самимъ Христомъ, и ввѣрены ему были деньги бѣдныхъ, чптобы имѣль ему ушѣшеніе въ спраспи, ибо онъ былъ воръ, но при всемъ томъ, чпто видѣль споль великое снисхождение, не сдѣлался лучшимъ. Хриспосъ зналъ, чпто онъ сребролюбивъ и, опть любви къ деньгамъ, погибнешъ, но не только за сіе не наказалъ его шогда, но, чптобъ укротишь спраспъ его и меньшимъ зломъ опврашишь большее, поручалъ ему и деньги бѣдныхъ, дабы онъ, имѣя оныя въ рукахъ, такимъ образомъ насыпилъ сребролюбіе, и не впалъ въ спрашную оную пропасть. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ, какъ никто другой не можешь сдѣлашь вреда шому, кпто самъ себѣ не хочешъ сдѣлашь вреда; шакъ напрошивъ никто никогда не употребешъ шого, кпто не хочешъ бышь внимательнымъ къ себѣ и употребишь силы свои. По сему и чудная Ишпорія Писанія, какъ

бы на какой высокой, великой и широкой карпинѣ описала для себя жизни древнихъ, и опѣ Адама продолжила повѣстѣ до пришествія Хриспова. Она представляеѣ шебѣ и падающихъ и увѣнчиваемыхъ, дабы чрезъ шѣхъ и другихъ вразумиѣ шебя, что шому, кшо самъ себѣ не дѣлаеѣ вреда, никшо другой вредиѣ не можеѣ, хопя бы вся вселенная прошивъ него жестокою подняла войну. Ни затруднительность обстоятельствъ, ни переменъ временъ, ни угнетенія сильныхъ, ни шучи злоумышленій, ни множество злоключеній, ни совокупленіе въ одну громаду всѣхъ извѣстныхъ между людьми бѣдствій не можеѣ ни мало колебать мужественнаго, внимательнаго и бдительнаго человека: шакъ какъ напрошивъ нерадиваго, пуштившагося на зло, шого, кшо самъ себѣ измѣнилъ, ничшо не сдѣлаеѣ лучшимъ, хопя бы тысячи употреблены были пособій. Сіе показываеѣ намъ и припѣча о шѣхъ человекахъ, изъ коихъ одинъ домъ свой строилъ на камнѣ, а другой на пескѣ. Матт. 7, 24. Она не шу имѣеѣ цѣль, чтоѣбъ представиѣ намъ песокъ и камень, строеніе изъ камней и крышу, рѣки и дождь, и сильныя

вѣпры ударяющіе въ зданіе, но чѣобы поняли мы изъ того, чѣо добро и чѣо худо, и чѣобъ увидѣли, чѣо никто не вредитъ тому, кѣо самъ себѣ не дѣлаешъ вреда. И пакъ ни дождь, съ спремленіемъ падающій, ни рѣки съ великою быспрошою приражающіяся, ни жеспокіе вѣпры съ сильнымъ порывомъ ударяющіе, ни мало не попрясли зданія того, но оно оспалось и швердо и неподвижно. Изъ сего примѣшь, чѣо того, кѣо не измѣняешъ самъ себѣ, никакое искушеніе поколебашъ не можешъ. А зданіе другаго скоро обрушилось не опъ силы искушеній: ибо иначе и съ другимъ было бы поже самое; но опъ собствѣннаго безумія спроишеля. Ибо оно пало не пошому, чѣо подулъ вѣпръ, но сіе случилось съ нимъ пошому, чѣо было построено на пескѣ, ш. е. на нерадѣни и худомъ основаніи. Оно еще прежде, нежели приразилась ша буря, было слабо и къ паденію гошовой. Таковыя зданія, хопя бы и никто не шрогалъ ихъ, сами собою рушашся, пошому чѣо основаніе опъ нихъ опняшо и совершенно разсыпалось. Какъ паушина сама собою разрывается, хопябъ никто къ ней не прикасался; а алмазь и подъ ударами оспаешся цѣль: пакъ и шѣ,

кои сами себя не дѣлають несчастными, оспаяются сильны, хопябы и тысячами ударовъ были поражаемы, а измѣняющіе себѣ, безъ всякаго поспороннаго прикосновенія, сами собою рушатся, рассыпаются и гибнутъ. Такъ погибъ Іуда, къ копорому не только не прикасалось какое либо искушеніе, но копорый пользовался еще великимъ пособіемъ.

Угодно ли, я покажу шебѣ, какъ оправдывается слово сіе и на цѣлыхъ народахъ? Какое Іудейскій народъ видѣлъ попеченіе о себѣ? Не вся ли видимая шварь назначена была на служеніе ему? Не новой ли и сбранной образъ жизни введенъ былъ у нихъ? Они не посылали на рынокъ, и не спрашя серебра, получали шо, что продается, ни бороздъ не проводили, ни плуга не влчили, ни земли не раздирали, ни сѣмень не бросали, ни въ дождяхъ не имѣли нужды, ни въ вѣпрахъ, ни въ другихъ временахъ года, ни въ лучахъ солнечныхъ, ни въ печеніи луны, ни въ качествѣ воздуха, ни въ другомъ чемъ нибудь подобномъ, ни гумна не гошовили, ни хлѣба не молошили, не имѣли нужды въ вѣпрахъ

для ошдѣленія зеренъ ошъ плевъ, не мололи въ жерновахъ, не дѣлали печей, не носили въ домъ дровъ и огня, не заботились о шомъ, чшо печь хлѣбы, не брали въ руки засшупа, не шочили серпа или косы, не имѣли нужды въ другомъ какомъ нибудь художествѣ, на- примѣръ въ шканіи, въ зодчествѣ, или въ шитьѣ обуви: но всѣмъ для нихъ было слово Божіе. Даже споль имѣли они всегда гошпо- вой, безъ поша и шрудовъ. Ибо шаково свойство манны: она была всегда нова, свѣ- жа, никакихъ не досшавляла имъ хлопотъ и не изнуряла шрудомъ. Даже одежды у нихъ, и обувь, и самая природа шѣла забыли свой- ственную имъ шлѣнность. Ибо въ шакое продолжштельное время одежда ихъ не из- носилась, и ноги ихъ, хошя они споль мно- го ходили, не заболѣли ошъ мозолей. И въ умѣ у нихъ не было лѣкарей, и лѣкарствъ, и другаго чего ошносящагося къ сему ис- кусшву. Такъ далека была всякая болѣзнь! *Изведе ихъ (Богъ) съ сребромиъ и златомъ, и не бѣ въ колѣнахъ ихъ боляй: Псал. 104, 37.* Но они шакъ ѣли и шакъ пили, какъ бы ошпавили міръ сей и въ другую лучшую пересилились вселенную; и даже жарчайшій

лучь солнца не ударялъ въ ихъ головы. По-
елику пламень застѣняло облако надъ ними
висящее, которое для всего того народа
было какъ бы подвижною крышею. И во
время ночи не имѣли они нужды въ свѣ-
щильникѣ для прогнанія шмы; но огненный
столпъ былъ у нихъ испочникомъ нескла-
заннаго свѣща, доставлялъ имъ двѣ пользы,
во первыхъ свѣщиль, а во вторыхъ указы-
валъ имъ путь. Ибо онъ не только свѣщиль,
но почнѣ всякаго пугеводишеля водилъ
безчисленный оный народъ по пустынь. Хо-
дили же они не по сушѣ только, но и по
морю, какъ по сушѣ, и опваживались пере-
скупать за предѣлы природы; шли пѣшіе
по спрашному оному морю, какъ бы по ка-
кому швердому и жесккому камню. Когда
оно у нихъ подъ ногами было, тогда спи-
хія воды подобна было сушѣ, плоскимъ до-
линамъ и полямъ; но когда приняло оно вра-
говъ, тогда сдѣлало то, что свойственно
морю. Для нихъ было оно колесницею, а для
непріятелей ихъ гробомъ; шѣхъ съ легко-
стію переправило, а сихъ съ великою сви-
рѣпостию пошопило. Не знающее порядка
спремленіе водъ показывало здѣсь и поря-

докъ и послушаніе, свойственное людямъ съ
 понятіями и разумомъ; исполняло должностъ
 по спража, по исполнителя казни, и въ
 одинъ день вдругъ дѣлало прошивное. Что
 сказать о камняхъ, кои испостили рѣки воды?
 Что о пучахъ пщицъ, кои своимъ множе-
 ствомъ покрыли всю землю? Что о чудесахъ
 въ Египтѣ? Что о неимовѣрныхъ произше-
 ствіяхъ въ пустынь? Что о профетяхъ и
 побѣдахъ безъ пролитія крови производимыхъ?
 Ибо какъ бы играя, а не какъ воюя, усми-
 ряли они прошивниковъ. Даже надъ собствен-
 ными своими господами они безъ оружія
 одержали верхъ; а сражавшихся съ ними по
 исшествіи изъ Египта преодолевали звукомъ
 трубъ и пѣніемъ: шакъ что всѣ дѣйствія
 сіи были болѣе ликованіе, нежели война, бо-
 лѣе шайноученіе, нежели сраженіе. Ибо всѣ
 чудеса сіи не для того только были, чтобы
 доставили нужное для нихъ, но чтобы они
 почнѣе сохранили и ученіе о Богознаніи,
 кошорое преподавъ имъ Моисей. Отвсюду
 раздавались гласы, проповѣдовавшіе Господа.
 Сіе проповѣдовало море, по дѣлаясь прохо-
 димымъ для пѣшихъ, по спановясь опять
 моремъ. И Нильскія воды издавали сей гласъ,

когда перемѣняли въ кровь природу свою; и лягушки и войско саранчи, и черви и гни-
лосць говорили сіе всему народу. И чудеса
въ пущынѣ, манна, столпъ, облако, спада
перепеловъ, и все прочее, было для нихъ.
погда вмѣсто книги и письменъ, никогда
не изглаждаемыхъ; ибо каждый день сіе напо-
миналось имъ, и опзывалось въ сердцахъ ихъ.
Однако послѣ споль важнаго о нихъ про-
мысла, послѣ несказанныхъ благодѣяній, пос-
лѣ многихъ чудесъ, послѣ неизреченнаго по-
печенія, послѣ непреспаннаго ученія, послѣ
внушенія словами, послѣ убѣжденія дѣлами,
послѣ знаменитыхъ побѣдъ, послѣ преслав-
ныхъ шоржесствъ, послѣ избыпка на спо-
лахъ, послѣ обилія водъ, послѣ неизъясни-
мой славы, каковою опличались они предъ
всѣмъ родомъ человѣческимъ, по неблаго-
дарности и безчувствію своему поклонились
шельцу и служили головѣ вола, и просили се-
бѣ боговъ, погда какъ имѣли въ свѣжей па-
мяти сдѣланныя въ Египтѣ благодѣянія Бо-
га своего и когда другія многія видѣли бла-
годѣянія.

Напрошивъ Ниневійскій народъ, не смотря

на то, что былъ варварскій и иноплеменный, и не участвовалъ ни въ чемъ шомъ, ни въ маломъ ни великомъ, ни въ ученіяхъ, ни въ чудесахъ, ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, какъ только увидѣлъ человека, который спасся отъ кораблекрушенія, (онъ никогда прежде у нихъ не бывалъ, но въ первый разъ показался) пришелъ и сказалъ: *еще три дня, и Ниневія превратится*; Іон. 3, 4. то пакъ отъ сихъ легкихъ словъ перемѣнился, исправился, и, оставивъ прежніе пороки, обратился чрезъ покаяніе къ добродѣтели, что перемѣнилъ Божіе о себѣ опредѣленіе, поддержалъ городъ уже колеблющійся, отвратилъ небесный гнѣвъ и отклони́лъ отъ себя всякое зло. *Видѣлъ Богъ*, говоритъ Писаніе, *то каждый отсталъ отъ пути своего лукаваго и обратился ко Господу*. Какимъ образомъ *отсталъ*, скажи мнѣ?—Порокъ ихъ былъ великъ, развращеніе неизъяснимо, раны неизлѣчимы, и, дабы показать сіе, Пророкъ, изображая великость ихъ развращенія разсояніемъ мѣста, сказалъ: *взыде вопль злобы его къ небу*. Іон. 1, 2. Впрочемъ и столько великое зло, пакъ высоко поднявшееся и возрасшее, что до самаго неба достигало, сіе

самое зло въ продолженіе прехъ дней, въ споль крапкое время, опъ сихъ немногихъ словъ, кои выслушали они опъ челоѡка неизвѣснаго, чужеспраннаго, кораблекрушенію подвергшагося, шакъ изкоренили, шакъ опшвергли, шакъ удалили опъ себя, чшо удошпоились шакowychъ словъ: *и видя Богъ, яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ; и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше соштворити илѣ. 3, 10.* Видишь ли, чшо внимательный къ себѣ и бдишельный челоѡкъ не шолько ни мало не повреждаешся сошпороны людей, но и небесный гнѣвъ опшвращаешъ: а шопъ, кшо самъ себѣ измѣняешъ и вредишъ, не много получаешъ пользы, хошя бы шысячу получилъ благодѣяній? Такимъ образомъ ни шѣмъ не принесло пользы шакое множештво чудесъ, ни симъ не нанесло вреда шо, чшо они не имѣли ихъ: но поелику были они сами расположены къ добру, шо въ крапкое время сдѣлались лучшими, хошя они и варвары были и иноплеменники, и совсѣмъ не слыхали Божешшвенныхъ глаголовъ, и жили далеко опъ Палештины.

Какой шакже, скажи мнѣ, нанесли вредъ приключившіяся несчастія добродѣтели прехъ Опроковъ? Не погда ли, какъ были еще молоды, весьма молоды, въ возрастѣ раннемъ, понесли они страшное оное наказаніе и плѣнь, и далеко переселены были, и, перешедши въ чужую землю, удалены были и ошъ опечесства и ошъ дома, и ошъ храма, и ошъ жершвенника, и ошъ жершвъ, и ошъ приношеній, и ошъ возліяній, и ошъ самага пѣснопѣнія? Ибо не шолько ошъ домовъ были они ушпанены, но вмѣстѣ съ симъ и ошъ многоразличныхъ видовъ Богослуженія. Не варварскимъ ли они преданы были рукамъ, не волкамъ ли болѣе, нежели людямъ? И, что всего шяжелѣе, будучи опведены въ споль опдаленную и варварскую землю, въ ужаснѣйшій плѣнь, не имѣли они ни учишеля, ни Пророка, ни начальника. *И нѣсть, говоришся, князя, и Пророка и вождя, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою* (Господи!) *и обрѣсти милость.* Дан. 3, 38. Сверхъ шого они заведены были въ царскій домъ, какъ бы на какую скалу или ушесь, въ море наполненное подводными камнями, и приуждены были плышь по шому страшному

морю безъ начальника корабля, безъ кормчаго, безъ корабельщиковъ и безъ парусовъ, или какъ бы въ темницѣ заключены были въ царскихъ палапахъ. Поелику они любили мудрость, были выше міра, попрали всю высопу человѣческую и сдѣлали себѣ легкія крылья; то, конечно, пребываніе здѣсь почитали умноженіемъ бѣдспвій. Ибо находясь не при дворѣ, а въ частномъ домѣ, могли бы они пользоваться большею свободою. Но будучи введены въ сію темницу (такъ какъ весь оный призракъ они считали ничѣмъ не лучше темницы, ушесовъ и подводныхъ камней) пошчасъ они ужасное воспрѣтили затрудненіе. Царь повелѣлъ имъ вкушати опѣ одного съ нимъ спола, опѣ спола Сибаритскаго, нечиспаго и сквернаго; а имъ запрещено сіе было и казалось ужаснѣе смерти. И одни только они, какъ агнцы между множествомъ волковъ запершы были, такъ что необходимо было, либо умирашъ съ голода, либо иди на смертную казнь, либо вкушати запрещенныя снѣди. Что же дѣлають юноши, сироты, плѣнники, пришлецы, рабы тѣхъ, которые велятъ имъ ѣсть? Они не подумали, что доспапоч-

нымъ для нихъ извиненіемъ естъ необходи-
 моспъ, и власпъ владѣющаго городомъ: но
 всѣ упопреляющъ способы и усилія, чпо-
 бы избѣжашъ грѣха, хопя со всѣхъ спо-
 ронъ были оспавлены они самимъ себѣ. Ибо
 ни деньгами не могли они убѣждашъ, яко
 плѣнники, ни дружеспвомъ и знакомспвомъ
 яко пришлецы; ни власпю не могли пре-
 одолѣшъ, яко рабы; ни множеспвомъ не мог-
 ли превозмочь, будучи только шрое. И
 такъ пришли они и словами спали убѣж-
 дашъ шого евнуха, кошорый имѣлъ власпъ
 надъ симъ. Когда увидѣли, чпо онъ боишся,
 шрепещешъ, о собспвенномъ забошншся
 спасеніи, и несносный спрахъ смерти пош-
 рясалъ его душу: *боюсь азъ, говоршъ онъ,*
господина моего царя, да не когда уви-
дитъ лица ваша чныла, пате отроковъ
сверстниковъ вашихъ, и осудите главу
мою царю: Дан. 1, 10. шю удаляя опъ
 него опасеніе сіе, убѣждающъ сдѣлашъ имъ
 милоспъ. И поелику они все со своей спо-
 роны сдѣлали: шю и Богъ послѣ шого дѣ-
 лалъ свое. Ибо не Божіе только дѣло было,
 за чпо надлежало имъ получить награду,
 но начало и присшупъ къ шому былъ въ ихъ

душевномъ разположеніи; и какъ они показали въ себѣ твердоспъ и благородспво, шо и привлекли на себя Божіе благоволеніе, и довершили начашое.

Видишь, что никто не можетъ причинить вреда тому, кто самъ себѣ не дѣлаешь вреда? Вотъ, ни молодоспъ, ни плѣнъ, ни сиротспво, ни удаленіе въ чужую землю, ни одиначеспво, ни неимѣніе заспупниковъ, ни спрогое повелѣніе, ни сильный спрахъ смерти, лежавшій на душѣ евнуха, ни бѣдноспъ, ни малочисленноспъ, ни шо, что были они между варварами, ни шо, что враговъ имѣли господами, ни шо, что ошданы они въ руки самага царя, разлучены со всѣми родными, удалены ошъ Священниковъ и Пророковъ и прочихъ, кому бы надобно имѣть о нихъ попеченіе, не имѣли жерпвъ и возліяній, и лишены храма и пѣснопѣній; ничто изъ сего не причинило имъ вреда. Но теперь болѣе показали они себя, нежели шогда, когда всѣмъ шѣмъ пользовались въ собспвенномъ ихъ опечеспвѣ.

Такимъ образомъ совершивъ первый сей

подвигъ и славнымъ украсившись вѣнцемъ, соблюдши законъ и въ чужой землѣ, поправъ повелѣніе тиранна, побѣдивъ спрахъ демона, и ни мало ни съ кою стороны не поперпѣвъ вреда, и съ такою легкостію сдѣлавъ дѣло, какъ будто бы находились въ домѣ и пользовались всѣми выгодами, къ другимъ опять призваны они подвигамъ. И опять были они шѣже. Поприще пруднѣе прежняго предлежало имъ, разжигалась печь и варварское войско съ царемъ прошивъ ихъ вооружалось, вся Персидская сила подвинулась и все устроено было, чѣмъ бы обольстивъ ихъ, или принудивъ: и разнообразныя роды музыки, и различныя образы мученій, и угрозы, и спрашныя со всѣхъ сторонъ взгляды, и слова спрашнѣе взглядовъ: но не смотря на то, поелику они не измѣнили сами себѣ, но все, что съ ихъ стороны требовалось, сдѣлали; то ни мало ни въ чемъ не поперпѣли вреда; а напрошивъ еще свѣшлѣйшими прежнихъ украсились вѣнцами. Связалъ ихъ Навуходоносоръ и бросилъ въ печь, но не причинилъ имъ вреда, а напрошивъ еще больше сдѣлалъ пользы и выказалъ ихъ въ большей славѣ.

Тѣ, копорые не имѣли ни храма, (опяшь
 поже скажу) ни жершвенника, ни опече-
 ства, ни Священниковъ, ни Пророковъ, въ
 чужой и варварской спранѣ, даже въ самой
 печи, среди всего онаго войска, въ глазахъ
 самага царя, производившаго сіе, блиспа-
 тельный поспавили профей и знаменишую
 одержали побѣду, воспѣвъ чудную оную и
 преславную пѣснь, копорая съ того време-
 ни и донынѣ вездѣ по вселенной поешся,
 да и будешъ пѣпа въ послѣдующіе роды.
 Такимъ-то образомъ, кшо самъ себѣ не дѣ-
 лаешъ зла, тому никшо другой не сдѣлаешъ
 вреда. Я не переспану безпрерывно повпо-
 ряшь сіе изреченіе. Ибо ештли плѣнъ, и
 рабство и одиночество, и удаленіе опъ опе-
 чества и опъ всѣхъ родныхъ, и смершь, и
 сожиганіе, и споль великое войско, и пи-
 раннъ споль люпый шремъ Опрокамъ юнымъ,
 плѣнникамъ, рабамъ, спранникамъ, въ чужой
 землѣ, не могли причинишь никакого вреда
 собственной ихъ добродѣтели, но еще зло-
 умышленіе сіе сдѣлалось для нихъ поводомъ
 къ большей опважности: шо чшо можешъ
 вредишь внимательному человѣку? Ничшо,
 хощя бы вся вселенная вооружилась про-

шивъ него. Но скажущь: Богъ тогда предспаль имъ и исхишилъ ихъ изъ пламени. Точно, шакъ; но еспьли и шы съ своей спороны все сдѣлаешь, шо вѣрно и для шебя Богъ сдѣлаешь все съ своей спороны.

Впрочемъ, я не пошому удивляюсь онымъ Опрокамъ, и не пошому ублажаю и почишаю ихъ доспойными подражанія, чшо они попрали пламень и преодолѣли силу огня, но пошому, чшо они связаны были, брошены въ печь и преданы огню за истинное ученіе вѣры. Ибо въ семь заключается вся побѣда ихъ, и вѣнецъ уже наложенъ былъ на нихъ вмѣспѣ съ шѣмъ, какъ шолько были брошены они въ печь; даже онъ началъ соплешашься еще прежде исполненія дѣла, съ шѣхъ словъ, кои съ великою опшважносно и свободою, будучи приведены предъ царя, они сказали: *не требѣ намѣ о глаголѣ семѣ отвѣщати тебѣ. Есть бо Богѣ нашѣ на небесѣхѣ Ему же мы служимѣ, силенѣ избъати насѣ отѣ пеци огнемѣ горящія, и отѣ руку твоею избавити насѣ, царю. Аще же ли ни, вѣдомо да будетѣ тебѣ, царю, яко богомѣ твоимѣ не слу-*

жилѣ, и образу златому, его же поставилѣ еси, не кланяемся. Дан. 3, 16—18. Съ сихъ самыхъ словъ я провозглашаю ихъ побѣдителями; съ сихъ словъ, восхипивъ награду за побѣду, пустились они къ славному вѣнцу мученическаго, дабы къ исповѣданію на словахъ присовокупить исповѣданіе на дѣлѣ. А что когда они были брошены въ печь, огонь успѣдился шѣль ихъ, разпоргъ узы, доспавивъ имъ возможность свободно ходишь по ней, забылъ собственное дѣйствіе, и печь огненная сдѣлалась источникомъ холодныхъ водъ; по сіе уже было чудомъ благодаши Божіей и высшаго чудодѣйствія. Подвижники еще прежде, нежели сіе сдѣлалось, вмѣспѣ съ шѣмъ, какъ шолько вошли въ пламень, поставили шрофеи, одержали побѣду, и украсились вѣнцемъ, и какъ на небѣ шакъ и на землѣ провозглашены побѣдителями, и ничего служащаго къ ихъ похвалѣ не опущено.

И шакъ что ты шеперь скажешь? Посланъ ты въ ссылку и выгнанъ изъ опеческаго? И они шакже. Попаль ты въ плѣнь и подѣ власпѣ варваровъ? Тоже было съ ними.

Никого не имѣешь ты памь при себѣ, кто бы успроилъ твои дѣла, наспавилъ и научилъ? И они были лишены сего пособія. Тебя связали? Тебя жгуть? Тебя умерщвляютъ? Конечно не можешь ты ничего сказать спрашнѣ сего. Но вопъ и они проходили все сіе; но чрезъ все сіе сдѣлались славнѣе, знаменинѣе и большее богатство собрали для неба. Напрошивъ Іудеи, при всемъ помъ, что имѣли и храмъ, и жертвенникъ, и ковчегъ, и херувимовъ, и очистилице, и завѣсу, и безчисленное множество Священниковъ, и каждодневныя службы, и жертвы ушреннія, и вечернія, при всемъ помъ, что непрерывно слышали Пророковъ, живыхъ, умершихъ, оглашающихъ уши ихъ, и всегда имѣли предъ собою напоминаніе о чудесахъ бывшихъ въ Египтѣ, въ пущынѣ и о всѣхъ прочихъ, и имѣли ихъ въ рукахъ своихъ, и написано было это на дверяхъ у нихъ, при всемъ помъ, что видѣли надъ собою великіе тогда опыты чудотворенія, и другія пособія,—не только ни мало не получили пользы, но и вредъ. Ибо въ самомъ храмѣ поставили идоловъ и подъ деревьями закаляли сыновъ своихъ и дочерей,

даже по всей почти Палестинѣ совершали
 шѣ законопреступныя и нечесливыя жерп-
 вы и опважились на тысячи другихъ гнус-
 нѣйшихъ дѣлъ. А Опроки обращаясь среди
 варваровъ, въ непріятельской и враждебной
 землѣ, въ домѣ пиранна, будучи лишены
 всѣхъ шѣхъ пособій, не смотря на то, что
 ведены были на казнѣ и сожигаемы, не поль-
 ко отъ того, ни много, ни мало, не пошер-
 пѣли вреда; но еще болѣе прославились.

И такъ зная сіе, и подобное тому со-
 бирая изъ Богодухновеннаго и Божествен-
 наго Писанія; ибо много можно найсти па-
 ковыхъ примѣровъ и въ другихъ различныхъ
 лицахъ, не станемъ считашъ доспапчнымъ
 для себя извиненіемъ въ какихъ либо про-
 ступкахъ ни затруднительность времени
 или обспояпельствъ, ни необходимость и
 принужденіе и пиранскую власть сильныхъ.
 Съ чего говорить началъ я, шѣмъ же и те-
 перь окончу слово: ешъли кто терпитъ
 вредъ и обиды, то вѣрно шотъ терпитъ самъ
 отъ себя, а не отъ другихъ, хотя бы ты-
 сячи были такихъ людей, которые пришѣс-
 няютъ и обижаютъ. Ешъли же кто самъ

ощь себя не пошерпишь вреда, шо, хощя бы на него напали всѣ вообще живущіе на всей землѣ и на морѣ, ни малѣйшаго не могушь причинишь вреда шому, кшо бодрспвуешь въ Господѣ и внимашелень къ себѣ.

Почему умоляю васъ, будемъ внимашельны къ себѣ, будемъ бодрспвовашь всегда и всѣ огорченія переносишь мужеспвенно, дабы получишь вѣчныя оныя и неплѣнныя блага, во Хриспѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.
